

ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ СИМБИОЗ БОЕВОГО ОПЫТА,
ОТВАГИ И ЛИТЕРАТУРНОГО МАСТЕРСТВА!

ПАНДЖШЕРСКИЙ УЗНИК

Николай
ПРОКУДИН

майор, кавалер двух орденов Красной Звезды

Александр
ВОЛКОВ

писатель, публицист, драматург

Александр Иванович Волков Николай Николаевич Прокудин Панджшерский узник

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34449492

Панджшерский узник / Николай Прокудин, Александр Волков: Эксмо;

Москва; 2019

ISBN 978-5-04-100260-2

Аннотация

Николай Прокудин – майор, участник войны в Афганистане, воевал в 1985–1987 гг. в 1-м мотострелковом (рейдовом) батальоне 180-го мотострелкового полка (Кабул). Участвовал в 42 боевых операциях, дважды представлялся к званию Героя Советского Союза, награжден двумя орденами «Красной Звезды». Участник операций против сомалийских пиратов в зоне Индийского океана в 2011–2018 гг., сопровождал в качестве секьюрити 35 торговых судов и прошел более 130 тысяч морских миль.

Александр Волков – писатель, публицист, драматург.

•Они нашли друг друга и создали творческий тандем: боевой офицер, за плечами которого десятки опаснейших операций, и талантливый прозаик.

•Результат их творчества – отличные военно-приключенческие романы, которых так долго ждали любители художественной литературы в жанре милитари!

• Великолепный симбиоз боевого опыта, отваги и литературного мастерства!

Рядовой советской армии Саид Азизов попал в плен к душманам. Это случилось из-за того, что афганские сарбозы оказались предателями и сдали гарнизон моджахедам. Избитого пленного уволокли в пещеры Панджшерского ущелья, о которых ходили жуткие слухи. Там Саида бросили в глубокую яму. Назвать условия в этой яме нечеловечески-

ми – значит, не сказать ничего. Дно ямы было липким от крови и разлагающихся останков. Солдата методично выводили на допросы и жестоко избивали. Невероятным усилием воли и самообладания Азизов сохранял в себе желание жить и даже замышлял побег. И вот как-то подвернулся невероятно удобный случай...

В основу романа положены реальные события.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	31
Глава 3	61
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Николай Прокудин, Александр Волков Панджшерский узник

Пролог

– Азизов, спишь? – раздался снизу голос.

– Никак нет, товарищ прапорщик, – отозвался Саид, стараясь говорить бодро. – Все в порядке.

– Ты там не прыгай, вышку развалишь, – усмехнулся Рахманкулов.

Попрыгать очень хотелось. Ночь была лунная, холодная. Озноб забирался под ватный бушлат, в сапоги. Казалось, что портянки мокрые, так заледенели пальцы на ногах. Но если прыгать, то наблюдательная вышка начинает раскачиваться и скрипеть, поэтому приходится просто стискивать зубы и сдерживать дрожь.

Что-то мелькнуло справа возле высокой глинобитной стены дувала. Саид тут же повернул голову и взялся за рукоятку пулемета. Отскочив от стены, сухой круглый пучок перекасти-поля полетел дальше по сухим камням афганской степи. Здесь, в Пишгоре, все было очень похоже на Таджикистан. Такие же горы, небо, трава. Даже афганский фарси практи-

чески как родной таджикский. Но, несмотря на то что Саид чувствовал себя почти как дома, тоска по нему не становилась меньше. Отец, мать, квартира в Душанбе на зеленом проспекте Рудаки. А еще техникум, друзья, девчонки. Но больше всего Саид грустил оттого, что здесь все напоминало окрестности кишлака Пичандар, куда студентов техникума отправляли помогать на чайных плантациях.

Лайло... Она умела так смотреть, что после ее взгляда Саид всю ночь не мог заснуть. Сначала он просто ловил ее взгляд, когда она проходила мимо с другими девчонками-старшеклассницами и смотрела на него, высокого, спортивного парня, обжигая своими темными глазами. А по ночам, лишившись сна, он думал только о рассвете, когда они снова выйдут все вместе на работу и он увидит ее.

Когда Саид, наконец, решился взять ее за руку, Лайло буквально ошпарила его взглядом. Он и забыл, что в горных аулах все не так, как в современном Душанбе. Там девушки не ходят на танцы, на свидания с парнями. К ним нельзя даже прикасаться. Там девушки не выщипывают себе брови, потому что аккуратно выщипанные брови – это признак замужней женщины. Многое там было совсем не так, как в городе...

В лунном свете пыль, поднятая колесами машин, была плохо видна. И если бы часовой на вышке стоял и задумчиво пялился только в одну сторону, то машины подошли бы к самим дувалам почти незаметно. Но Саид к службе относился

серьезно. Он вглядывался в ночь, стараясь не пропустить постороннего движения, даже звука. Афганцы были ненадежными союзниками, и полагаться на них никак нельзя. Саид схватил трубку полевого телефона, протянутого на вышку:

– Товарищ прапорщик, пост номер два, рядовой Азизов! Машины! Вижу две. Едут к нам со стороны перевала! Два грузовика, может, и больше.

Ночью, грузовики... с потушенными фарами? Саид услышал, как Рахманкулов, еще не положив трубки, скомандовал:

– Подъем! Тревога!

Теперь к ознобу от холода добавилась нервная дрожь. Нет, не от страха. Саид был готов стрелять, он просто волновался, что может не суметь проявить себя настоящим воином. Как наказывал ему отец.

Глава 1

– Сынок! – Мать приложила уголок платка к глазам, но удержалась, не заплакала.

– Что, мама? – улыбнулся Саид и обнял мать. – Повестка, да? В военкомат?

Она обняла сына и прижалась к его груди головой. Вот и вырос ее сынок. Вон какой высокий, стройный. Пришло время в армию идти, солдатом становиться, а материнскому сердцу не прикажешь, все хочется, чтобы сыночек рядом был, чтобы накормить его повкусней, перед сном подушку поправить, полюбоваться на него, когда он спит. Спокойный, красивый. Весь в отца.

Старый Асатулло стоял в дверях и смотрел на жену и сына. Он не мешал, понимал чувства женщины. Отцу было уже 62 года. Он прошел Великую Отечественную войну – воевал в легендарной 61-й таджикской кавалерийской дивизии. Вернулся, поднимал промышленность в республике. Выучился на инженера. Первая жена умерла во время родов. Второй раз женился поздно, взяв из горного кишлака девушку, у которой все родственники погибли на войне. Так и прожили они с Гюльзар душа в душу четверть века. Да только Аллах дал им всего одного сына, но на то и воля его. Расстили, воспитывали, а теперь... Теперь пришел черед Саида становиться мужчиной.

– Ну, вот, сын! – торжественно проговорил отец, входя в комнату. – Пришла пора и тебе сменить старших и взять в руки оружие.

Мать повернулась на голос мужа и тут же отступила в сторону. Когда говорят мужчины, женщине следует помалкивать. Но Асатулло подошел к ней и, обняв за плечи, прижал к себе. Родители смотрели на сына с нежностью и затаенной гордостью. Саид смутился и опустил глаза. Гордиться им родителям пока еще нет причин. Что он успел в жизни? Да и не старался особенно чего-то успевать. Рос, как все мальчишки, учился в школе, окончил техникум, поступил в Политехнический институт, отучился первый курс. И вот теперь – армия. Но это же без его желания, почти все здоровые парни в этом возрасте идут в армию. Эх, жаль, не удалось получить высшее образование, но раз так велит Родина...

– Я верю, что ты станешь настоящим джигитом, Саид, – сказал отец. – Я четыре года в седле защищал нашу огромную страну. Помни, ты – таджик, тут твой дом, но Родина у нас одна, одна большая страна, от океана и до океана. Ты не будешь ездить на коне, у тебя будет другая служба. Все изменилось, и армия теперь другая. Но ты все равно должен оставаться джигитом и служить так, чтобы не опозорить своего отца, своих предков.

– Я постараюсь, отец! – кивнул Саид.

– Нет, сынок, – строго покачал головой Асатулло. – Ты не постарайся, ты только так и будешь служить. Честно

отслужив, вернешься – доучишься...

На следующий день дома устроили праздник – проводы. Пришли соседи, родственники, приехали даже две сестры матери из горного кишлака. Это событие – сын становится мужчиной и уходит в армию! Даже в мирное время молодого таджика провожали как на войну, только слез было меньше. Да и нельзя женщинам плакать, когда мужчины говорят важные слова и напутствия. Саид крепился и старался держаться за столом солидно. Кивал старикам, давал обещания. Вот только глаза отца ему не нравились, было в них что-то, какая-то затаенная боль или страх. Молодой человек не знал, что накануне всезнайка-сосед, работавший водителем в райвоенкомате, по секрету поведал Асатулло о предназначении их призывной команды: учебный центр по подготовке солдат к службе в Республике Афганистан. Жене он ничего не сказал, не стал заранее расстраивать.

Гости давно разошлись. Саид стоял на балконе и смотрел на зеленые кроны деревьев, освещенных снизу уличными фонарями, на проезжающие по проспекту редкие машины. Жара спала, тело обдувал легкий прохладный ветерок, а мысли уносили Саида уже далеко, к тем местам, где ему, возможно, придется служить. Сколько нового он узнает, со сколькими людьми познакомится! Наверное, это даже хорошо, что так принято в Советской армии, все служили не в своей области или республике, а далеко от дома. Можно по-

смотреть мир. Но одна грусть все же оставалась. Лайло! Ее карие глаза светили ему в ночи, ее голос он слушал как музыке звезд. Два года он не увидит девушку. Но ведь он может ей писать, если не запретят ее родители.

– Сынок! – Асатулло вышел на балкон в накинутаой на плечи пижамной куртке и встал рядом с Саидом, облокотившись локтями на перила.

«Как постарел отец, – подумал юноша с грустью. – А я и не обращал внимания, не присматривался, занятый своими делами, своей жизнью». Только теперь, в преддверии долгой разлуки, Саид вдруг понял, что очень любит своих родителей, свой дом. И что ему семьи будет очень не хватать во время службы. Но отец вдруг положил ему руку на плечо и заговорил:

– Я знаю, мой мальчик, что ты любишь девушку из кишлака Пичандар. Ее зовут Лайло.

– Откуда, отец?

– Помолчи, сынок! – властно, но как-то грустно велел Асатулло. – Помолчи и послушай. Я ездил туда. Там в кишлаке есть один хороший знакомый. Мы с ним когда-то работали вместе, теперь он уже давно на пенсии. Уважаемый человек!

Саид слушал и ждал. Отец еще ничего не сказал, но сердце молодого человека стало сжиматься от предчувствия неприятного конца этого рассказа. Что-то рушилось в его сознании, исчезало привычное состояние. А может, все дело в повестке, может, он чувствует приближающиеся изменения в

своей судьбе? Детство кончилось, вот в чем дело. Эта неприятная, но волнующая мысль четко сформировалась в голове, и, поняв, осознав ее смысл, Саид выпрямился, как будто хотел пошире расправить плечи и выглядеть как мужчина.

– Я поговорил с ним, расспросил о семье Лайло. Это очень хорошая семья, я рад, что ты полюбил девушку из такой семьи, но наши традиции, которые нам оставили наши предки, они, увы, сильнее.

– Что случилось? – не выдержал Саид. – Если ты узнал что-то о Лайло, что может бросить на нее тень, что-то, что угрожает чести рода, я все равно не отступлюсь...

– Отступишься, – хмуро ответил отец. – У Лайло есть жених. Родители давно договорились об этом. Его зовут Шавкат Рахимов, они с детства играли вместе и в школе вместе учились. Их отцы были большими друзьями. И когда отец Шавката погиб на строительстве дороги в горах, то отец Лайло заменил его парню. Они поженятся, когда им исполнится двадцать один год. Так было договорено. Шавкат должен отслужить в армии, получить профессию, чтобы он смог содержать семью.

– Но это же средневековье, дикость!

– Так было принято у нашего народа, – строго напомнил Асатулло. – Это было правильно всегда, будет так и дальше. Если мы не будем чтить завещанного предками, то наш мир кончится и память о нем превратится в пыль.

Саид стоял и чувствовал, что балкон уходит из-под его

ног. Даже дом как будто покачнулся. Лайло! Не может такого быть, так не должно быть! Сильная рука отца вернула молодого человека на землю из полета в своих скорбных мыслях. Он тряхнул сына и резко бросил ему в лицо:

– Ты – мужчина! Не забыл об этом? А что мужчина обязан желать на этой земле? Защищать свой дом и свой род. Дом – это женщины и дети, это твой кров, который ты должен передать по наследству, а твой род – это честь твоих предков, их память, честь твоего отца. Ты не принесешь позора в свой дом и не опозоришь девушку только потому, что захотел завладеть ею, а ее родители были против. Если ты мужчина, ты должен заботиться о чести того, кого любишь. Это все!

Первые лучи солнца уже несмело заглядывали в окна казармы. Саид, несмотря на усталость первых месяцев службы, научился просыпаться за несколько минут до подъема. Сладкие минуты, когда еще можно понежиться в кровати, зная точно, что у тебя есть эти десять минут. Твои, и никто их не отнимет. А потом раздадутся шаги дежурного по роте, зажжется свет, и громкий голос скомандует:

– Рота, подъем!

Вот и наступил этот миг.

И тут же затопали десятки ног, полетели на спинки кровати одеяла. Голоса командиров отделений торопили солдат, подгоняли нерадивых. Меньше минуты прошло, когда вся рота наконец замерла в едином строю у стены, напротив кро-

ватей. Здоровенный старший сержант Фархадов, поигрывая мышцами под вылинявшей серо-синей солдатской майкой, вывел роту из казармы на плац, и начались солдатские будни. Сначала пробежка вокруг городка, потом на плацу утренняя зарядка, потом умывание, заправка постелей. Перед завтраком предстоит еще утренний осмотр, на котором придирчивые сержанты проверяют и подворотничок, и чистоту бритья, и начищенность бляхи ремня, и наличие ниток и иголок в головном уборе. Затем политинформация и завтрак.

– Слушай, Саид! – Таджибеев встал рядом с обувной щеткой в руке. – А правда говорят, что в Афганистан берут только добровольцев?

– А что? – удивился вопросу Азизов, продолжая надраивать щеткой форменный ботинок.

– Так просто. – Таджибеев вяло поширкал щеткой по запыленному ботинку. – Ты слышал от сержантов, чтобы кто-то отказывался туда ехать?

– А ты мог бы отказаться? – Саид выпрямился и посмотрел сослуживцу в лицо.

– А ты? – тут же парировал Таджибеев.

– Слушай, Сархат, – передразнил земляка Азизов. – Мы с тобой присягу принимали, нам оружие страна доверила, на нас как отцы смотрели, когда в армию провожали, помнишь?

– У меня нет отца, – помрачнел Таджибеев. – Меня вырастили мать и старшая сестра.

– Значит, ты старший мужчина в доме. Ты решения уме-

ешь принимать? Вот и принимай. А я не хочу, чтобы вместо меня в Афганистан ехал кто-то другой. Чтобы другой исполнял свой долг и рисковал жизнью, а я отсиживался в какой-то части в Союзе.

Снова построение. Теперь учебная рота двинулась на завтрак. Столовая, запах пищи, гремящие котелки и железные тарелки. Рота заняла места за длинными столами на десять человек. Прозвучала команда «головные уборы снять», «садись»! Саид начал уже привыкать к чуть солоноватой воде, которая придавала сладкому чаю такой привкус, к которому привыкнуть было непросто. Он привыкал три месяца, пока, наконец, смог пить эту жидкость более или менее спокойно. Привычная каша, два куска комкового сахара, цилиндрик сливочного масла, который солдаты намазывали на свой кусок хлеба ручкой столовой ложки. Все уже привычно, все как всегда. Только приближался день окончания учебы. А потом построение и формальная часть, когда солдатам предложат отправиться для выполнения интернационального долга добровольно. И как всегда, согласие дадут все.

– Рядовой Азизов!

Саид весь подобрался, сжимая ремень автомата, висевшего на плече, и стал смотреть на командира взвода. Сейчас его очередь стрелять из пулемета. Командир взвода, старший лейтенант Джураев, смотрел на молодого солдата одобрительно, с надеждой. По команде он вышел на огневой рубеж. Прежде чем разрешить солдату лечь к пулемету, коман-

дир показал указкой на стол. Там лежало несколько видов патронов.

– Рядовой Азизов, доложите, из какого оружия вы будете стрелять и какие виды патронов в этом виде оружия применяются.

– Есть! – бойко ответил Саид. – Пулемет Калашникова модернизированный, образца 1969 года. Для стрельбы из ПКМ используются патроны образца 1943 года 7,62×39 со следующими типами пуль. Обыкновенная пуля со стальным сердечником, предназначенная для поражения живой силы противника, расположенного открыто или за препятствиями, пробиваемыми пулей. Она состоит из стальной оболочки с томпаковым покрытием и стального сердечника в свинцовой рубашке. Пуля не имеет отличительной окраски. – Саид держал в руках патрон с соответствующей пулей, демонстрируя ее командиру. Тот кивнул, предлагая продолжать. – Трассирующая пуля предназначена для целеуказания и корректирования огня на расстоянии до 800 метров, а также поражения живой силы противника. Сердечник состоит из сплава свинца с сурьмой, за ним находится стаканчик с запрессованным трассирующим составом. Цвет пули – зеленый. – Саид продемонстрировал патрон, выбранный им из нескольких, лежащих на столе. – Бронебойно-зажигательная пуля предназначена для зажигания горючих жидкостей, а также поражения живой силы, находящейся за легкобронированными укрытиями на расстоянии до 300 метров. Обо-

лочка с томпаковым наконечником, стальной сердечник со свинцовой рубашкой. За сердечником в свинцовом поддоне находится зажигательный состав. Цвет головной части – черный, с красным пояском.

– Молодец, Азизов! – кивнул старший лейтенант, одобрительно улыбнувшись. – На огневой рубеж. Задача: поразить ростовую мишень – бегущий автоматчик противника и грудную мишень – пулеметчик в окопе.

Саид поспешно опустил на брезент. Рядом с пулеметом лежали два автоматных секторных магазина. В каждом, по условиям упражнения, было по шесть патронов. Проверив, нет ли патрона в патроннике, он установил прицел на 400 метров, подсоединил магазин и доложил, что к стрельбе готов.

– Огонь!

Азизов мог вполне свалить «бегущую» мишень и тремя патронами, но стрелять надо очередь в шесть патронов. Именно по шести попаданиям будут судить о результатах. В круг какого диаметра уложатся пробойны, каково смещение от точки прицеливания и тому подобное. Ветра не было. Степь парила так, что воздух струился и мишень, казалось, вся извивалась под ним. Пулемет коротко и уверенно стегнул по степи. Мишень повалилась...

Назад со стрельбища солдат, отлично выполнивших упражнения, в лагерь отвозили на машине. Остальные с личным оружием и тремя пулеметами двинулись бегом. Таджи-

беев скривился в недовольной усмешке и махнул рукой Саиду, сидевшему в кузове «ГАЗ-66». Сегодня вечером его земляк, как и другие отличники, получит свободное время. Смогут поиграть в шахматы, посмотреть телевизор, написать письмо домой. А проштрафившиеся будут чистить и свое оружие, и пулеметы, из которых сегодня все стреляли на занятиях.

– Слушай, Саид! – повернулся он на кровати лицом к Азизову. – А все-таки хорошо, что мы попали в «учебку» здесь, у нас в Таджикистане. Я слышал, как наши парни в городе рассказывали после армии, как им доставалось от русских. Называли их «чурками», заставляли вместо себя работать в казарме, подшивать себе подворотнички, сапоги чистить, еду отбирали. И вообще, по-всякому унижали. Хорошо, что мы дома. Я раньше не верил в эти рассказы, а теперь понял, что верить надо. Тяжело, вот и издеваются над теми, кто слабее и кого меньше. Таджиков в любой части меньше, чем русских. Я их ненавидеть буду теперь.

– Кого? – не понял Азизов.

– Русских, кого же еще. Они нас ненавидят, а мы – их.

– Ты совсем дурак, Сархат? – зашипел на земляка Саид. – Ты по рассказам двух таких же дурачков судишь обо всей армии, что ли? Да, где есть всякая дедовщина и все такое, там не разбирают, таджик ты, узбек или татарин. Они и своих же русских заставляют работать и унижают. Это от безделья все. Мне отец рассказывал, как они воевали. Все вместе,

все национальности. И никто никого не унижал. Даже спасали друг друга, потому что была одна беда, один враг у всей страны. Так и мы должны. Нас в армию для чего призвали? Страну защищать. Всю страну, а не только Таджикистан!

– Отставить разговоры! – прикрикнул дежурный по роте. – Кто там хочет наряд вне очереди? Отбой был для всех!

Саид отвернулся и закрыл глаза. И снова он видел Лайло, ее летящую походку среди чайных кустов, ее тибетейку и цветные рукава платья. И темные тугие косы, которые на бегу смешно подпрыгивали на спине. Вот девушка обернулась и, улыбнувшись, обожгла взглядом. Сколько всего было в этом коротком взгляде, в этой брошенной ему улыбке – и интерес, и нежность, и задор. За два лета, когда студентов техникума возили помогать чаеводам, Саид разговаривал с Лайло всего несколько раз. И всегда рядом были другие ребята. Им так и не удалось ни разу побыть наедине.

Они общались всей компанией во время работы, но Саиду казалось, что вокруг не существует никого и ничего. Он видел только ее, только ее глаза, улыбку, голос. Какой же красивый голос у Лайло! Низкий, грудной, бархатистый, когда она говорит серьезно, и звонкий, звучный, когда смеется или шутит. Ее голос, как ветер, как горная река, как шелест листьев на ветру.

Саиду не хотелось думать о том, что у девушки есть жених и что она выйдет замуж только за этого Шавката. Больно было думать об этом, сердце сжималось и накатывала тос-

ка. «Нет, – думал молодой солдат, засыпая, – я вернусь, и все будет по-другому. Я вернусь, и мы придем к ее родителям, пусть будут и родители этого Шавката. Я объясню, что мы любим друг друга, что брак без любви – это плохо, плохо жить нелюбимым людям вместе. И если родители хотят счастья своим детям, то должны подумать и послушать их. А обещания, ну что же... проходит время, и обстоятельства меняются».

Саид заснул, а на его лице так и замерла улыбка. Как все просто в полусне. Просто и убедительно. Все сразу согласятся, и все будут счастливы.

– Рота, подъем! Тревога! – пронеслось по казарме.

Подъемы «по тревоге» были постоянными: роты выбегали на плац и строились, офицеры засекали время, которое было потрачено на подъем. Еженедельно солдат учебного центра поднимали ночами или в другое время суток, выдавали оружие и устраивали марш-броски или вывозили на машинах в степь, где заставляли занимать оборону, окапываться. В этот раз многое было необычным. И не потому, что команда прозвучала в два часа ночи, а скорее по голосу дежурного, по еле заметным интонациям почти все поняли, что случилось что-то серьезное.

В казарме каждый раз ночевал кто-то из офицеров роты – «ответственный», так это называлось. Сегодня «ответственным» был как раз командир взвода Азизова старший лей-

тенант Джураев. Он выбежал из канцелярии, застегивая на бегу портупюю, приказал построить роту и ждать его, а сам умчался в штаб. Рота, ежась от ночного холода, выстроилась перед казармой: все молчали, никто не ворчал, что солдатам не дают поспать, что замучили этими своими «тревогами». Перед строем угрюмо и деловито топтались заместители командиров взводов – все сержанты в «учебке» были старослужащими, прослужили по году и больше и, наверное, знали, какие еще бывают тревоги, но никто не разговаривал, не успокаивал, не объяснял.

Джураев вернулся через двадцать минут. Сейчас он уже был застегнут на все пуговицы, полевая форма перетянута ремнями, и видно было, что кобура сильно оттягивает ремень. Значит, там пистолет.

– Равняйся! Смирно! – скомандовал старший лейтенант. – Слушай приказ. Вчера в течение суток пограничные заставы вели бой с бандами душманов, пытавшихся пробиться на территорию Таджикистана. Все атаки удалось отбить, но, по некоторым сведениям, границу удалось пересечь, переправившись через реку Пяндж, двум бандам общей численностью до ста человек. Обе банды двигаются в направлении города Куляба. Предположительно целью служит захват аэропорта. Нашей роте поставлена задача на автомашинах выдвинуться к перевалу и перекрыть дороги на Муминабад и Замар. Офицеры роты скоро подъедут. Пулеметчики третьего взвода – ко мне!

Пулеметчики выбежали из строя к командиру взвода.

– Наша задача следующая: тремя пулеметными расчетами мы должны занять позицию на склоне северного шоссе, чтобы предотвратить прорыв боевиков в тыл позиции роты. Первыми номерами расчетов со мной пойдут... Азизов...

Саид восторженно слушал. Все, что говорил офицер, воспринималось им еще как игра, как новые учения с боевыми стрельбами. Но когда после всего услышанного прозвучала его фамилия и когда он увидел испытующий взгляд Джураева, сомнений в реальности происходящего не осталось. Внутри где-то даже заворочался холодный червячок страха. Но Саид сразу придавил его мыслями о том, что он все сделает так, как положено, как прикажет командир. И не отступит, чего бы это ему ни стоило.

Джураев вызвал троих, самых умелых пулеметчиков роты. Внимательно посмотрел в глаза каждому и разрешил взять себе «второго номера» на свое усмотрение.

– Рядовой Таджибеев, – сразу выпалил Азизов.

– Уверен? – строго спросил старший лейтенант.

– Так точно. Он мой земляк.

Почему он назвал Сархата, Саид и сам не мог понять. Наверно, хотел из Таджибеева сделать хорошего солдата, чтобы его земляк побывал в настоящем деле, поверил в себя, чтобы больше не рассуждал пространно о долге и войне, а сам своим поступком послужил Родине, понял, что это означает не на словах, а на деле. В глубине души Саид боялся, что Сархат

начнет возмущенно шептать ему на ухо, зачем он взял его с собой «вторым номером», но Таджикибеев сразу принялся деловито исполнять свои обязанности. Он получил в «оружейке» ящик с двумя «цинками», по 660 патронов в каждом. Вскрыл его, уложил банки с патронами в вещмешки. Так будет немного легче нести боеприпасы, потому что деревянный ящик с патронами весил лишние килограммы.

Группа замерла в ожидании возле грузовика: Азизов с пулеметом у ноги, Таджикибеев со своим автоматом на ремне. Старший лейтенант прошел мимо шестерых солдат и остановился перед Саидом:

– Увы! Гранат не будет, ребята. Уверен, вы сумеете выполнить задачу. Не теряйте время, набивайте ленты по дороге, машины часа два будут ехать по шоссе. Наши позиции мы должны занять в темноте и незаметно. Вспоминайте основные правила оборудования позиции пулеметного расчета. Я буду рядом, но все делать за вас не смогу. Все очень серьезно, парни, там, в горах, – враг, и его надо уничтожить! Иначе он будет убивать женщин, стариков, детей, вредить нашим домам, заводам.

Бойцы высадились из машин около пяти утра – выпрыгнули через борт, с опаской глядя на глубокий обрыв прямо у края дороги. Грузовики заглушили моторы, а солдаты начали взбираться по склону вверх. Командир поторапливал, не повышая голоса, а потом первым побежал по хребту. Это

был трудный подъем, наверное, самый трудный из всех подъемов в жизни Азизова. Дыхание сбивало еще и волнение, что ты идешь туда, где начнется самый настоящий бой, в котором противники будут стрелять боевыми патронами и убивать друг друга. И надо не пропустить душманов с территории Афганистана. Они часто пытаются пробиться из-за кордона, неся с собой оружие, наркотики, взрывчатку.

Минут тридцать, хрипло дыша, размазывая по лицу руками густой и липкий пот, они поднимались по скалам над дорогой. Несколько раз Джураев останавливался и осматривался по сторонам. Он вспоминал карту, на которую сейчас еще раз взглянуть было нельзя. Ночь темная и теплая – огонек будет виден далеко, и местоположение пулеметчиков он может нечаянно выдать светом ручного фонарика. Наконец старший лейтенант махнул рукой всем остановиться. Бойцы без сил повалились на камни. У Азизова сердце яростно колотилось в груди, того и гляди выпрыгнет, колело в боку, саднили сбитые колени и кисти рук, взмокшая одежда прилипла к спине.

Джураев дал солдатам пять минут отлежаться и прийти в себя – курить строго запретил. За время передышки офицер коротко рассказал, как намерен построить оборону их позиции. Один пулеметный расчет выдвинется к карнизу над дорогой. Его роль основная! Если появятся душманы, расчет должен будет огнем пресечь их движение, стреляя сверху на поражение. Второй расчет чуть левее и выше откроет

огонь, когда группа душманов неизбежно попытается обойти пулеметчиков вдоль дороги. Они же примут на себя основной удар бандитов, если что-то случится с первым расчетом. Третий расчет, расположившийся чуть выше и правее, будет прикрывать товарищей в случае обхода душманами позиции с других сторон.

Бойцы заметно нервничали – группа малочисленна. Неизвестно, сколько придется держаться здесь, и возможны самые неожиданные ситуации. Два цинка расстрелять можно за час. А потом? – подумал Саид.

Рассвет осветил вершины скал, и по спинам пулеметчиков пробежали сначала длинные тени, а затем показались и солнечные лучи. Сразу стали закрываться глаза от солнечного тепла, от сухого воздуха, которым потянуло из степи, и смертельной усталости после ночного подъема. Три пулеметные ленты ПК были набиты и уложены в коробки. Саид лежал между камнями на подушке из мха и сухой травы. Два камня, которые они убрали впереди, позволили соорудить удобную амбразуру, через которую можно было простреливать всю дорогу метров на триста севернее. Слева защищала скала, справа два больших, застрявших в расщелине валуна. Дорога внизу, метрах в тридцати, за спиной, Таджикиев с автоматом, готовый подавать патроны и прикрывать с тыла. А если понадобится, то и лечь с автоматом рядом, усиливая плотность огня.

Саид чувствовал, как его начинает бить озноб – может, от

холода, а может, от волнения. Повернув голову, он посмотрел на земляка и громким шепотом позвал:

– Сархат!

– Что? – так же тихо ответил Таджибеев.

– Ты боишься?

– Один бы боялся, а так нас двое. И ребята рядом, и Джураев. Он-то побольше нашего понимает. А мы с тобой тут как в крепости. Нас только бомбами можно выкурить отсюда, да?

Глаза Сархата блестели нездоровым огнем, как в лихорадке. Не начал бы палить. Хотя нет, глаза как глаза, усмехнулся про себя Саид. Они замолчали, продолжая вести наблюдение каждый в своем секторе, и Саиду вдруг почему-то стало тоскливо.

«Странное чувство, – думал он. – Слышишь голос товарища, знаешь, что рядом кто-то есть, и как-то все легче воспринимается. А в тишине накатывает паническое чувство одиночества. И сразу холодеет внутри, руки начинают дрожать». Азизов стал сжимать и разжимать кулаки, чтобы унять дрожь, и тут же стыдливо покосился назад, не видя ли, чем он занят, его «второй номер». Еще подумает, что Саид боится. Сжав руки в кулаки, он положил их на приклад пулемета и опустил на них подбородок. «Спокойно, спокойно, – уговаривал он сам себя. – Все хорошо, нас много, у нас огневой перевес перед душманами. Только начнется бой, командование сразу передаст координаты, и сюда кинут все

силы на их уничтожение». Он думал, успокаивал себя, и в царившей вокруг тишине, удивительно спокойной и даже какой-то усыпляющей, глаза непроизвольно начали слипаться. Почему-то вспомнилась прошлогодняя поездка с группой на Нурекское водохранилище, где Саид впервые попробовал кататься на водных лыжах. А еще были семейные вечера на веранде гостевого домика, когда слышно, как легкая волна перекатывает у кромки берега мелкие камешки. Накатывает и откатывает – успокаивающий шорох...

Но нет, это никакой не шорох прибрежных камешков, это шарканье ног, точнее, звук множества шагов, раздававшихся издали нарастающим шуршанием. Саид мгновенно открыл глаза. Сначала из-за яркого солнца он какое-то время щурился, а потом увидел толпу людей – они шли по грунтовой дороге, примыкавшей к шоссе на этом участке перевала. Их было четверо... нет, шестеро, нет, это лишь дозор, на самом деле их гораздо больше!

Саид смотрел на дорогу и шевелил губами, считая: восемь, десять, двенадцать, шестнадцать, семнадцать...

– Спокойно, Азизов, спокойно! – раздался над ухом голос старшего лейтенанта, и Саиду сразу стало легче дышать. Он понял, что долго лежал, затаив дыхание.

– Стрелять? – спросил он командира, пытаясь говорить уверенным, почти равнодушным тоном, но голос предательски сорвался на фальцет.

– Так, прицел, я смотрю, у тебя выставлен. Молодец! За-

помни, Саид, стреляешь, как на полигоне. Это просто мишени, движущиеся, бегущие мишени. В тебя они попасть не могут, можешь даже не наклонять голову. Они не сразу поймут, откуда огонь по ним ведется. Работаешь спокойно, без нервов. Мы тебя прикрываем. Таджибеев, слушаешь своего «первого номера» и подаешь патроны без суеты. Начинай набивать ленты сразу, как только одна освободится.

Все стало просто и понятно. Вот ведь, даже уверенность появилась! Значит, вон до того камня подпустить? Саид мягко положил палец на спусковой крючок и приник щекой к прикладу. Это враги, это убийцы, они несут взрывчатку, они хотят провести террористические акты, и тогда погибнут женщины, дети, старики. Он должен защищать свой народ, и он это сделает...

Пора! Главное, первой очередью свалить как можно больше дозорных. Плотно идут, значит, мало пуль пролетит впустую. А потом уже... Получите!

Саид впервые стрелял в людей, и очень важным оказалось осознание, что это враг идет по его земле, настоящая банда, пришедшая из-за границы. Первой же длинной очередью он прошелся по голове колонны душманов. Те стали разбегаться в поисках укрытия, но Саид продолжал стрелять и отпустил спусковой крючок только тогда, когда на дороге уже не было никакого движения. Он посмотрел вверх мушки и насчитал восемь лежащих без движения фигур. Двое отползали, то ли раненые, то ли просто пытались спрятаться. Хоро-

шо получилось. Только мало! Их же там сейчас человек сто, не меньше!

Голова сама пригнулась, как только снизу начали стрелять. Пули почти не попадали в камни в районе его укрытия.

«Значит, они меня еще не видят, – со злорадством подумал Саид и стал выискивать укrywшиеся цели. – Сейчас главное, чтобы у них не появилось желаний идти в атаку. Вот, двое справа за камнями!»

Стоя на одном колене, оба душмана стреляли по склонам вверх из автоматов. Чуть повернув ствол, Саид дал короткую очередь, и те сразу исчезли за камнями. Судя по выпавшему из рук автомату у одного из них и безжизненно торчащей из-за камней ноге второго, Саид явно попал в обоих.

Он выбирал цели и стрелял, почти не промахиваясь, минут десять, пока пули не стали петь вокруг его головы и рикошетить от камней поблизости.

Засекли!

Но командир сказал, что позицию менять не надо, что им его не достать. И на душе сразу стало спокойнее. Но вот в лицо полетели осколки камня, шквальный огонь снизу заставил-таки Азизова пригнуть голову. И почти сразу заработал второй пулемет слева. Душманы заметались, попав под огонь, и бросились назад. Какое-то время два десятка человек оказались на открытой местности, и Саид снова, повернув ствол, уложил около десятка из них.

Кончалась четвертая лента, когда снизу послышался рев

моторов и на дорогу, поливая все вокруг огнем из автоматической пушки и пулемета, вылетела первая БМП, за которой шли еще две машины. Гулко стали бить автоматы, много автоматов. Душманы пытались бежать, однако почти все полегли на открытом пространстве. Те, что были поумнее, поняв бессмысленность сопротивления, начали сдаваться.

Азизов с шумом выдохнул и вытер ладонью потное лицо. Затем повернул голову назад и подмигнул Таджикибееву:

– Ну, как ты? Справились, а?

А сбоку между камнями к ним уже бежал улыбающийся старший лейтенант Джураев. Саид машинально глянул на часы и обомлел. Бой длился всего-то двадцать пять минут, хотя ему казалось, что прошло чуть ли не полдня...

Глава 2

Ахмад Шах стоял возле шкафа со стеклянными дверками и просматривал корешки книг, составленных на полке. В комнате для переговоров по-хозяйски расположились два американских агента.

Более старший по возрасту и званию, разведчик уже в третьем поколении, Сэм П., Паерсон-младший, почесывал нос, что делало его тихую речь довольно невнятной, и отдавал распоряжения на французском языке.

– Подберите из числа окружения этого нужного нам человека наиболее талантливого, предприимчивого и амбициозного полевого командира. Пусть он продолжает работать на него, но слушает наши советы. Потом мы сможем обеспечить помощнику любой пост в новом правительстве, исходя из его деловых качеств, конечно.

Джордж Либо, возглавлявший разведгруппу ЦРУ в этом районе Пакистана, поморщился и сделал руководителю незаметный знак, указывая на уши.

– Этот господин в совершенстве владеет французским, – сказал он на плохом испанском. – Сэр! Перейдем лучше на английский. А еще лучше – поговорим позже.

Дьявол его возьми, подумал Паерсон, глядя сбоку на орлиный нос афганца, на его прищуренные глаза. Этот Ахмад Шах не переставал его удивлять.

Афганец вздохнул, провел пальцами по корешкам и сказал на дари:

– Вот чего мне не хватает на войне, так это книг. Учиться нужно всегда, в любых обстоятельствах. Так что вы сказали, мистер Паерсон?

– Я сказал, уважаемый Ахмад Шах, что еще три года назад под вашим руководством воевало меньше тысячи бойцов. Сейчас у вас чуть ли не дивизия трехтысячного состава.

– Три тысячи шестьсот двадцать семь человек, – невозмутимо поправил американца Ахмад Шах.

– Тем более, – кивнул Паерсон. – Нам кажется, что с такими силами вы могли бы развернуть более активные боевые действия. Вы получите любое оружие, какое только вам будет необходимо. У русских земля под ногами может гореть. Мы поставим вам большую партию «Стингеров» и данные о сроках пролета гражданских воздушных судов. Это будет хорошей провокацией. Мы поможем организовать общественное мнение и осуждение советских военных. Свалим вину на них.

– Полковник, я воюю так, как воюю, – ответил Ахмад Шах. – Сбивать гражданские самолеты я мог и без вас, но я этого не делал. Вы не видите разницы в том, против кого и за что я борюсь? Не против шурави как таковых. Не простые солдаты наша цель, и не они главное зло, главное зло – идеи, которые они несут в нашу страну. Мы построим свое исламское государство и обязательно победим в этой гражданской

войне. Давайте вернемся к главной цели нашей встречи.

– Вы – афганец... – начал было Паерсон, но Ахмад Шах покачал головой:

– Я – таджик. Я защищаю свою землю, где живут таджики, я строю свой мир. Да, я готов сотрудничать и с вами, и с другими лидерами, кто сейчас воюет за мир.

– Вы, помнится, даже с советскими командирами пошли на перемирие. Не так ли?

– Да, это было в прошлом году, – спокойно ответил Ахмад Шах. – Мне это было выгодно.

– Хорошо, я понял вас. Вы не просто полевой командир, кем вас принято считать в Лэнгли, у вас государственное мышление. У нас обоюдовыгодное сотрудничество, и вы ведь по-прежнему желаете, чтобы мы готовили ваших моджахедов в военных лагерях Пакистана? Кажется, наше обучение идет им на пользу и вы воюете все успешнее.

– Да, я и далее приму такую помощь. И я понимаю, что помощь эта не безвозмездна, ведь США ничего даром не делают.

– Вы правы. Мы хотим дискредитации политики Советов. Нужна заметная наступательная операция, нужно подорвать доверие к афганской армии действующего правительства. Вы должны разгромить крупный гарнизон, например в Пишгоре. Сможете это сделать?

– Я подумаю. Не люблю давать опрометчивых обещаний...

Когда Ахмад Шах уехал, Паерсон-младший еще долго стоял у окна, заложив руки за спину. Джордж Либо, проводив гостя, вернулся к представителю из Лэнгли и, глядя на него, нахмурился.

Джордж принимал участие в боевых действиях во многих горячих точках и считался хорошим специалистом по разведывательно-диверсионной работе и специалистом по партизанской войне. Он посмотрел в спину проверяющего и, усевшись в кресло, закурил. Паерсон не был его прямым начальником, хотя обладал определенными полномочиями и имел право давать задания Либо и его сотрудникам, однако в отношениях с этим представителем Центра можно было не придерживаться условностей субординации. Цену себе Либо тоже прекрасно знал.

– Вы напрасно так построили разговор с Ахмад Шахом, – сказал Джордж, затягиваясь сигаретой.

– Вы ждали, что я буду разговаривать с ним как с равным? Простите, дружище, но при всем моем уважении к вашему опыту я не привык так разговаривать с людьми, которым плачу.

– Ну, пока об этом еще рано говорить, как мне кажется. Ахмад Шах слишком независим. Его поддерживают не только таджики, которые населяют этот район. О нем много говорят даже в Кабуле и в Кандагаре. Люди видят его успехи, он и без нашей помощи скоро соберет полноценную и боеспособную дивизию. А знаете, почему? Потому что он поли-

тик, а не боевик. Он понял, что вы не готовились к его визиту, не продумали разговора с ним.

– Это вы к тому, что я не выучил его биографию? – зло усмехнулся Паерсон. – Для меня новость, что Ахмад Шах хорошо владеет французским. Надо было тщательнее изучить досье на этого дикаря.

– У него могло бы быть хорошее столичное образование, если бы его не вовлекли в политику и не началась затяжная гражданская война. И он не зря здесь намекал на то, что учиться нужно всегда. Вы знаете, что он не против того, чтобы возглавить правительство в Кабуле? Более того, Масуд гарантирует, что меньше чем за год он прекратит войну в стране. Правда, если ему не станут мешать и развяжут руки. У него есть свой взгляд и своя программа.

– Черт бы его побрал, это вашего Масуда-Счастливого!

– Примерно так же о нем отзываются и советские командиры, – хмыкнул Джордж.

– Хорошо. – Паерсон неторопливо вернулся к столу, уселся напротив Либо и достал сигареты. – Итак, что мы можем реально сделать в Пишгоре?

– Есть у меня там один приличный парень с организаторскими способностями. На хорошем счету у своего командования, пользуется доверием солдат и офицеров. Мы могли бы обойтись и без Ахмад Шаха, но лучше сделать это его руками. По крайней мере, советское командование должно быть уверено, что это дело рук Масуда. Мы его скомпроме-

тируем, подставим. Я же понимаю, что Масуд вам в составе центрального правительства не нужен.

– Это еще не решено. Я в Лэнгли подниму вопрос об использовании его кандидатуры на высоких ролях в будущем свободного Афганистана. Думаю, что будет разработан план по его политическому использованию. Он – хорошая платформа, на которой можно въехать в Кабул, но им трудно управлять, это его большой минус. Нам нужны в Кабуле парни покладистые и управляемые...

Когда Азизов вместе с товарищами по учебной команде вышел из самолета на бетонную полосу военной базы Баграм, то сразу начал озираться по сторонам. Все-таки другая страна, он впервые был за границей. Но перед его взором теснились точно такие же горы, как и на родине, вокруг взлетной полосы такая же сухая трава и яркое раскаленное солнце.

На краю бетонки – очень типичные строения военного аэродрома. А дальше, за рядами колючей проволоки, виднелся большой военный городок.

Самолет не глушил двигатель, к трапу спешила команда дембелей.

– Вешайтесь, «духи»! – дружно проорали убывающие домой старослужащие, громко гогоча. – Хана вам!

«Нечего сказать, теплый прием молодежи! – подумал Саид. – Вместо слов ободрения и поддержки...»

Дембеля быстро загрузились, и самолет улетел.

Капитан, старший команды, после высадки сразу куда-то убежал, приказав ждать его на бетонной полосе.

Солдаты сбросили вещмешки, стали нервно закуривать. Почти никто не разговаривал, только молча курили и озирались по сторонам. К вновь прибывшим не спеша подошел смуглый прапорщик-таджик.

– Что головами крутите, бойцы? – насмешливо спросил он по-русски. – Непривычно?

Уставшие после сумасшедших перелетов, голодные молодые солдаты угрюмо посматривали на прапора и молчали. Прапорщик медленно прошелся вдоль строя, всматриваясь в лица вновь прибывших. На лицах узбеков и таджиков он на некоторое время задерживал внимательный взгляд. С некоторыми заговаривал, выяснял, откуда призваны.

«Начальник склада? – подумал Саид. – Ищет каптерщиков? На складе сидеть – это не мое. Я должен вернуться домой к родным и своей девушке герою, с наградами!»

Прапор еще немного покрутился среди бойцов и ушел.

Вскоре со стороны вышки управления полетами показался капитан-сопровождающий с двумя сержантами. Сержанты, сыпя матерками, быстро подняли вновь прибывших, которые начали уже дремать, улегшись на бетонке, построили и повели нестройной колонной к домикам за рулежными полосами.

Здесь уже строилось какое-то подразделение, видимо,

несущее караульную службу на самой авиабазе. Капитан, сопровождавший группу новичков, недовольно поглядывал на часы, явно нервничал. Вероятно, желал поскорее отметить командировочные и вернуться в Союз.

Через какое-то время он действительно сбыл с рук на руки команду офицеру в полевой форме и исчез.

После ужина началось построение на небольшом плацу.

– Сейчас поздравлять с прибытием будут, – слышались голоса в строю.

– Моджахеды, как увидят, кого нам прислали, сразу убегут в Пакистан! – хохотнули из соседнего строя старослужащие. – Душары! Готовьтесь! Вам пришла ж...

Подошедший офицер в потертом и выгоревшем полевом обмундировании строго посмотрел на солдат, обругал крикунов, и все говоруны сразу замолчали.

Вскоре из штаба вышел немолодой грузный полковник с тремя офицерами. Выйдя на середину плаца перед выстроившимися подразделениями, полковник заговорил:

– Товарищи, сегодня к нам прибыло пополнение. Молодые солдаты сменили тех, кто отслужил свой срок здесь, в составе ограниченного контингента советских войск на территории Демократической Республики Афганистан, помогая братскому афганскому народу строить новую жизнь, бороться с бандами наемников, чьими руками международный империализм пытается ввергнуть страну снова в мрачное Средневековье. Прибывшим придется быстро набираться боевого

опыта и применять на практике в сложных условиях то, что они осваивали в учебных центрах у себя дома, в Союзе. Хочу отметить, что сегодня среди пополнения к нам пришли ребята боевые, умелые, храбрые. Настоящие бойцы! Вот у меня в руках служебные характеристики на некоторых из молодых солдат.

Солдаты, прапорщики и несколько офицеров слушали полковника со скучающими лицами – дежурная, обычная приветственная речь политработника. Но что-то в словах и интонации полковника было сегодня, видимо, необычным. В строю стали переглядываться.

– Равняйся! Смирно! – вдруг приказал офицер. Ряды солдат замерли. – Рядовой Азизов, рядовой Таджибеев, выйти из строя!

Саид не шелохнулся, не понимая, что происходит. В учебном центре он бы автоматически выполнил приказ – мгновенно, по привычке. Но здесь, где его никто не знает, его вызвать из строя просто не могли. Может, вызывают однофамильца из числа солдат, которые уже несут службу на этой базе? Но вызвали еще и Таджибеева...

– Давай! Ты что? Тебя же! – зашикали сзади и сбоку бойцы.

Волнуясь, Саид вышел из строя на положенное количество шагов и четко повернулся через левое плечо. Рядом встал земляк-побратим. Странно было вот так стоять, когда на тебя смотрят сотни глаз. Такие чувства Саид испытывал

только во время приема присяги.

– Товарищи! – продолжил полковник. – Совсем недавно двое этих солдат проходили службу в учебном центре в Таджикистане. Их часть располагалась недалеко от государственной границы, и когда через границу прорвались банды душманов с целью проведения террористических актов на территории Советского Союза, навстречу им на помощь пограничникам выдвинули имеющиеся подразделения округа. Зачитываю строки характеристики:

«Рядовой Азизов с пулеметом занял позицию на перевале. «Вторым номером» у него был рядовой Таджибеев. И когда банда, численностью до ста человек, попыталась прорваться, расчет открыл огонь. Благодаря умелым действиям пулеметчиков, хорошей боевой выучке и их личной храбрости и мужеству банда понесла огромные потери в живой силе, а подоспевшее воинское подразделение добило нарушителей окончательно. За выполнение боевого задания командования рядовые Азизов и Таджибеев представлены к медалям «За отвагу»! Награды, естественно, еще не пришли, но, думаю, скоро мы их вручим героям. И я считаю своим долгом объявить всем о подвиге этих молодых солдат, которые теперь будут служить с вами вместе. Встать в строй!

Азизов занял место в строю и почувствовал себя, как будто за спиной выросли крылья.

Солдаты из пополнения смотрели на них с Сархатом с уважением, но откуда-то сбоку раздался тихий насмешливый

голос: «Ишь ты, отличились. Здесь такие бои каждый день! Посмотрим, душары, как вы тут повоюете».

Построение завершилось. Пополнению разрешили обосноваться в курилке и подождать приезда офицеров для распределения по частям. Смуглый, похожий на кавказца капитан в выгоревшей летней форме разговаривал с тем самым прапорщиком-таджиком, подходившим первым к самолету.

– Смотрите, молодые боевики, – кивнул головой кто-то из сержантов. – Знаете, кто это? Капитан Воротин из разведбата! Его рота страх на «духов» наводит по всей округе. Настоящие рейнджеры! Он лично завалил пару десятков «духов»...

И тут над аэродромом пронесся звук сирены. Откуда-то проехал пытящий бронетранспортер, промчался грузовик. Кутивший народ вскочил и побежал в казармы – суета была деловитой и совсем не похожей на панику. Видимо, случилось что-то обыденное и каждый знал, что ему в этой ситуации делать.

Азизов крутил головой и таращил глаза: вот пробежали несколько десятков солдат с оружием, обвешанные пулеметными лентами, с вещмешками. По рулежке пронеслись вереницей БМП.

Капитан Воротин с несколькими бойцами в маскхалатах выбежали из казармы, загрузили вещи в машину, разместились, и колонна двинулась к воротам.

В воздухе носились разные слухи. Но, видимо, каждое объяснение тревоги могло быть верным, потому что налеты, нападения и тревоги случались здесь часто: или какое-то подразделение попало в засаду, или неожиданно обнаружили караван. А возможно, моджахеды сбили нашу «вертушку» или самолет и поисковая группа бросилась в район – спасать летчиков.

В этот день распределения новичков по частям не было. Шли бесконечные проверки, построения, инструктажи. И на второй день, и на третий тоже все та же бестолковая рутина. Пополнение временно разместили в освобожденную казарму, начался очередной карантин – вновь курс молодого бойца. А потом начали появляться офицеры и по несколько человек забирать в роты. Саида определили в батальон охраны.

Сержант вставил его в график нарядов, правда, наряды были слишком частые, и потянулись скучные нудные дни. Азизов стоял «на тумбочке», чистил картошку на кухне, подметал плац. Ребят из Таджикистана почти не было, и они вместе с Таджибеевым оказались в разряде молодых, неумелых, которыми все постоянно помыкали. Он слышал, как их называли «молодыми туповатыми чурками», но хорошо понимал, что к ним придираются по старой армейской традиции, норовя объявить лишний внеочередной наряд, чтобы поменьше отправлять на кухню своих земляков или друзей.

– Я так больше не могу, – как-то вечером сказал Сархат, садясь рядом с Азизовым на лавку возле спортивного город-

ка. – Я завтра пойду к командиру или к особисту. Пожалуюсь! Сколько можно? Чурка, душара! Мы с тобой, между прочим, к медалям представлены! Полковник ведь сказал, что мы – герои...

– Остынь, не шуми! – дернул друга за рукав Саид. – Мы с тобой да и другие здесь никто! Нас не знают, понимаешь? Мы в бою ребятам еще себя не показали! И дело не в том, что они – русские, хохлы, грузины, узбеки, а мы – таджики. Тут – своя ценность, и ее нужно заслужить. Многие такие боевые подвиги совершают каждый день, и каждый день им за это медали не дают. В роте всего у двух солдат медали, и те по ранению! Это их служба – работа. Знаешь, я тут подумал, что к нам как раз уважения нет из-за этих медалей. Мы как будто их службу в Афгане этими наградами обесценили.

– Не понял! – уставился на Азизова тугодум Сархат.

– Ладно, потом поймешь. Тут не все так просто, как у нас в «учебке» было. И сколько мы будем тут торчать, столько и будем терпеть. Скорее бы попасть на боевые, и скорее бы прошли эти самые тяжелые полгода! Потом будет легче.

– Смотри, тот самый боевой офицер! – Таджибеев толкнул Саида локтем и кивнул на дорожку, по которой мимо казармы шел капитан Воротин.

– Куда ты... – Саид не успел остановить друга, как тот вышел из курилки и, старательно топая ногами, подошел к офицеру:

– Товарищ капитан, разрешите обратиться?

Воротин остановился и насмешливо оглядел невысокого нескладного таджика. Саид, проворчав нелестное в адрес Сархата, поспешил на выручку.

– Ну...

– Товарищ капитан, возьмите нас к себе в разведроту! – выпалил Таджибеев. – Не подведем! Мы из пулеметов полсотни «духов» перебили!

– А, герои-пулеметчики...

Азизову не очень понравилось, с какой интонацией разведчик произнес «герои-пулеметчики». Это смутило и немного разозлило. Можно подумать, что они с Сархатом выпрашивали себе медали, просили всем рассказывать о том бое. А тут еще друг своим поведением внимание привлекает.

– Да, правда, возьмите, – уныло поддержал Сархата Саид, понимая всю бесполезность их затеи.

Он решил, что надо не только выручать друга, но и попытаться все-таки найти нормальную мужскую службу, а не дневалить целыми неделями, не выслушивать унижительные реплики в свой адрес. Нет, нельзя было сказать, что старослужащие относились именно к двум молодым таджикам как-то предвзято. Он видел, что так пренебрежительно относятся вообще ко всем молодым солдатам, независимо от национальности. Да и в своем кругу «дедов», как в армии называли тех, кому служить оставалось полгода, было много ребят с Кавказа и из Средней Азии. И там все были равны. Но все же Саиду и самому было стыдно из-за своего ны-

нешнего положения. О чем отцу написать? Об этих нарядах по столовой и уборке территории? Позор! А врать не позор? Но ведь придется врать. Или как минимум какое-то время умалчивать.

– Знаете, что я вам скажу, парни. – Улыбка медленно сошла с лица Воротина, и теперь он выглядел очень усталым и терпеливым. – Вы, наверное, хорошие пулеметчики, спорить не буду. Но у нас свои правила, а они написаны кровью. Послужите здесь с полгода, посмотрите. Проявите себя с лучшей стороны, вот тогда и поговорим. В разведке нужны не герои, а крепкие, выносливые, умелые и дисциплинированные ребята. И переводчики в разведке всегда нужны. Вы пока служите там, куда вас командование поставило. Через полгода поговорим... – Он похлопал Саида по плечу и двинулся по своим делам.

Азизов вздохнул и хмуро посмотрел на товарища:

– Ну чего ты полез к нему? Вот он тебе прямым текстом и выдал, что им нужны дисциплинированные.

– Что, опять на тумбочку, опять на кухню? – уныло проворчал Таджибеев.

– И про это он тебе тоже четко сказал, что им нужны крепкие и выносливые. А чего мы будем стоять, если от таких трудностей уже ныть начнем. И потом, он же сказал – в разведке нужны переводчики! Подождем...

На следующее утро снова началось то, что так раздражало

Таджибеева. Замстаршины роты вновь поставил молодежь в наряд по столовой. И ничего страшного, что только вчера сменились из наряда.

– Все ребята заняты делом, а вы как два болвана слоняетесь без дела!

Сархат чуть было не сорвался, но Азизов вовремя его остановил, уговаривая не ссориться и не нарываться на неприятности. Так ведь не долго и на гауптвахту попасть.

Но до наряда по кухне в этот раз не дошло.

Через час в роту позвонили из штаба и приказали рядовым Азизову и Таджибееву срочно прибыть к дежурному. Наскоро почистив полусапожки и подтянув ремни, друзья отправились к зданию штаба.

– Да, это они, – кивнул тот самый прапорщик-таджик, который первым подошел к самолету, когда привезли на базу новичков из Союза.

«Неужели на склад?» – забеспокоился Саид.

Прапорщик кивком велел солдатам следовать за ним. Возле одной из дверей «кладовщик» остановился и велел ждать. Азизов и Таджибеев с волнением переглядывались, озирались по сторонам, перешептывались. Сейчас происходило что-то важное в их жизни и службе? Возможно. Ведь так просто двух молодых солдат в штаб не вызывают.

«Неужели медали пришли и позвали за награждением?» – подумал Саид, но вслух не произнес. Как-то так само собой сложилось, что говорить об этом у них стало не принято.

Мимо ходили офицеры и прапорщики. Солдаты то и дело вытягивались, прижимаясь спинами к стене, и отдавали честь. В кабинетах гудели кондиционеры, а в коридоре было душно. Хотелось снять зеленые форменные панамы, растегнуть «хэбэшку» на груди. А тем временем там за дверью что-то решалось важное. Дверь неожиданно приоткрылась, и голос прапорщика позвал:

– Азизов! Зайди...

Саид поправил головной убор, расправил складки х/б под ремнем и шагнул в кабинет. Прапорщик стоял у стены с большой картой мира, а за столом, заваленным пачками бумаг, расположился крупный мужчина с погонами подполковника на плечах и глубокими залысинами на голове. Гудел старенький кондиционер, вдобавок на тумбочке жужжал вентилятор. Саид нерешительно поднял руку к головному убору. Его сюда привел прапорщик, но докладывать, видимо, надо старшему по званию:

– Товарищ подполковник, рядовой Азизов по вашему приказанию прибыл.

– Вольно! – усмехнулся офицер и показал авторучкой на стул: – Сидай, пулеметчик! Тоби не жарко? Привычный? А мне продохнуть нечем! Плавлюсь в вашем климате...

Напоминание о пулеметчиках резануло слух, но Саид пропустил это слово мимо ушей. Еще не хватало выслушивать насмешки от всех вокруг. Так еще и прилепится прозвище «пулеметчик». С наслаждением стащив панаму с потной

бритой головы, он сел на предложенный стул.

– Значит, с отличием окончил учебный центр! – разглядывая солдата и шелестя бумажками, заговорил подполковник неторопливо. – Значит, говоришь, хороший стрелок? И с пулеметом обращаться умеешь? А скажи-ка, дружок, как на духу, какие языки ты знаешь?

– У меня мама окончила педагогический институт в Душанбе и преподавала на кафедре таджикского языка и литературы. Я знаю узбекский, дари, фарси и пушту. И сам я учился в Политехе – после первого курса призвали.

– Ты гляди, какой у нас солдат образованный пошел, – засмеялся подполковник.

– А я вам говорил! – улыбнулся прапорщик.

– Ну, если правильно называть, по-научному, то это таджикский фарси. А там, где большая плотность проживания узбеков или...

– Стоп! – подняв широкую ладонь, остановил Саида подполковник. – Про Таджикистан не надо. Мы в Афганистане, поговорим про него и про афганские языки. Знаешь, на каких языках разговаривает местное население?

– Ну, если опять говорить научным языком... – Саид перестал волноваться, почувствовав себя в привычной среде, говоря на знакомые темы. – Если по-научному, то Афганистан, насколько я знаю, страна многонациональная и с большим количеством языков и наречий. Весь этот регион, вместе с нашими республиками Средней Азии, формировал-

ся много тысяч лет, языковые различия очень маленькие. Здесь есть два официальных языка: пушту и таджикский дари, язык местных таджиков. Его еще называют фарси-кабули. Он не особенно отличается от таджикского фарси. А еще есть языки автохтонные, языки региональные, языки меньшинств. Есть даже афганский жестовый язык. А вообще практически все население в Афганистане понимает таджикский и персидский. Или новоперсидский фарси...

– Лингвист! – кивнул на Азизова подполковник, хитро улыбаясь.

– А я вам говорил, – подмигнул подполковнику таджик-прапорщик. – Парень знает и свободно изъясняется на дари и пушту!

Саид пожал плечами. Для него в этом не было ничего необычного. И почему эти двое так уперлись в языковые вопросы? Заниматься закупками продовольствия у местных? А может, пленных допрашивать надо?

– У мамы много знакомых и друзей, – заговорил он. – Часто приезжали родственники из-за границы. Я вырос с их детьми и с детства научился общаться.

– Вот что, Азизов. – Подполковник вдруг стал серьезным. – Вижу, парень ты грамотный, современный. И боевой! Я хочу взять тебя к себе. Я – военный советник, подполковник Кравченко Сергей Иванович. Это мой помощник, прапорщик Рахманкулов. Помощник, переводчик, а заодно и начальник охраны в гарнизоне в Пишгоре. Нас мало, всего

восемь человек, из них шестеро солдат. Трое должны уволиться в запас, и им нужна смена.

– Я согласен, – сглотнув, кивнул Саид. – Я – готов!

– А твоего согласия, дружок, никто не спрашивает, – расхохотался Кравченко. – Это армия, здесь приказы выполняются. Но раз согласен, то хорошо. Значит, не против твоей воли. Теперь скажи насчет своего земляка, Таджибеева.

– Он был моим «вторым номером» в бою, – поспешно заговорил Саид. – И я хочу служить с ним вместе...

– Ладно, ладно, – махнул рукой подполковник и посмотрел на прапорщика: – Ты как, Рустам?

– Вроде бы нормальный парень. Да и сдружились они, в бою вместе побывали. Я бы взял обоих. Позвать его?

Таджибеев, когда узнал, куда их берут служить, чуть не подпрыгнул от радости прямо в кабинете. Но надо отдать ему должное, сдержался и только смотрел на Кравченко и прапорщика-переводчика блестящими от восторга глазами. На вопросы, которые ему задавал подполковник, Сархат отвечал бойко, с какой-то даже лихостью, хотя и с сильным акцентом.

– Ну и хорошо, – закончил свои вопросы советник. Но тут в дверь постучали, она приоткрылась, и в проеме появилась голова помощника дежурного по части.

– Разрешите? Там прибыл рядовой Рахимов, которого вы вызывали.

– Ну, вот и третий претендент, – кивнул Кравченко. – За-

води его.

Саид напрягся, а по спине у него пробежал холодок от волнения и ревности. Эту фамилию называл отец, когда говорил о женихе Лайло. Но что такое фамилия! Рахимовых в Таджикистане – как Ивановых, Петровых и Сергеевых у русских. Дверь распахнулась, и в кабинет вошел высокий худощавый солдат с густыми, сросшимися над переносицей бровями.

– Здравия желаю! – низким голосом проговорил он, вскинув руку к панаме. – Рядовой Рахимов по вашему приказанию прибыл!

– Ну, здравствуй, Рахимов. – Кравченко осмотрел солдата с ног до головы. – Как зовут, откуда родом?

– Шавкат Рахимов. Я из Таджикистана, из горного кишлака, Пичандар называется.

Саид прикусил губу, в груди защемило от ревности и глупой боли. Надо же, встретились. Да еще и служить вместе. Каждый день видеть его рожу и думать о том, что он станет мужем Лайло. Саиду захотелось закрыть глаза, зажмуриться сильно-сильно, до ломоты в глазных яблоках. А потом открыть глаза и увидеть совсем другую картину. Цветущие склоны гор в окрестности кишлака Пичандар, бегущую по тропе Лайло с подругами, ее черные косы. Но он знал, что ничего не изменится. Да и должно ли измениться? И в чем виноват этот парень, когда его родители и родители девушки решили все без согласия детей? Он-то не виноват, так за что его ненавидеть?

Мысли одолевали, метались в голове Азизова. Он почти не разбирал вопросов подполковника и ответов Рахимова. Что-то говорили о силе, о том, что Рахимов хорошо стреляет, что его еще дед научил метко стрелять. А потом новичок повернулся к двум другим солдатам, и Саид услышал голос подполковника:

– Ну, знакомься со своими новыми сослуживцами. Сегодня вы в последний раз до самой замены ходите в советской форме. Да и мы с Рустамом только на базе ходим в нашей форме. Сейчас топаете на склад – прапорщик вас переоденет в полевую форму афганской армии, получите сухой паек, оружие. Завтра с утра пораньше выезжаем в Пишгор...

Двое из восьми «Черных аистов» – моджахедов из афганского отборного спецназа – спустились с гребня хребта. «Аисты» сопровождали в этом опасном разведрейде майора пакистанской разведки Наджраба в Панджшер. Опустившись среди камней на корточки, они внимательно вглядывались в окрестности.

– Чисто, – кивнул «аист». – Сегодня днем движения на тропе не было. А на перевале движение шурави и сарбосов как обычно.

– Хорошо. – Наджраб развернул карту на колене. – Двоих отправь вот на этот склон севернее тропы. Я должен быть сразу информирован, идет наш друг один или его ведут.

– Будет сделано. – Бородатый моджахед вытащил из кармана куртки японскую рацию «Уоки-токи» и стал вызывать

своих бойцов и отдавать приказы.

Майор взглянул на наручные часы. До времени встречи оставалось два часа. Но это совершенно не означало, что офицер появится в точно оговоренное время. Может быть, что-то изменится в графике движения колонны, может быть, русские пронюхали и решат сначала проверить выход с перевала. Их разведчики стали работать намного лучше, чем это у них получалось в 1979 году. Русские очень быстро набирались боевого опыта и наращивали свое мастерство. Подготовка у них была хорошей, за спиной у каждого офицера классическая школа, основанная еще ветеранами Второй мировой войны. А здесь, в Афгане, у них практики больше, чем нужно, и если уж честно говорить, во многом русский спецназ стал постепенно превосходить рейнджеров других стран. Особенно выносливостью и неприхотливостью в быту.

Говорить об этом начальству вслух не следовало, но делать выводы приходилось на местах.

Русские хитро и умело работали с местным населением – щедро подкупали вождей племен. Невоенная помощь Афганистану от Советского Союза была до войны впечатляющая, и один этот факт располагал многих афганцев к «шурави» – советским, как тут называли русских. Сколько Советский Союз построил здесь дорог, больниц, электростанций! И если бы не война...

К тому же в приграничных районах СССР жили таджики, узбеки, которые этнически были почти родственниками

большей части афганцев. Даже язык был очень похож. И они использовали своих подготовленных таджиков и узбеков для работы с местным населением...

Прошло два с половиной часа, прежде чем один из наблюдателей передал, что колонна вошла в ущелье. Советской бронетехники нет, и сопровождение осуществляется только бронемашинами с солдатами армии ДРА. Еще тридцать минут прошли в ожидании. Где-то западнее пролетели два советских военных вертолета.

«Неужели сюда?» – подумал с опаской пакистанский майор.

Но вертолеты ушли в другом направлении. «Все, пора, – решил майор Наджраб и двинулся к месту встречи. – Теперь лишь бы все сработало как надо».

Колонна грузовых машин и бензовозов выбралась из ущелья и стала спускаться на равнину, когда вдруг справа на склоне не удержался большой камень и покатился вниз к дороге. Обычное дело в горах, когда случаются небольшие обвалы или мелкие осыпи. И отдельные камни не редкость, когда проходит тяжелая техника, и вибрация передается скалам и почве. Водитель переднего армейского грузовика сбавил скорость, глядя, как катится камень. Но вот валун ударился в другой камень, чуть ниже по склону, и уже на обочину скатилась группа камней, среди которых что-то злое еще блеснуло.

Капитан афганской правительственной армии, сидевший

в кабине переднего грузовика, положил руку на плечо водителя и сжал его, продолжая напряженно смотреть на выкатившийся на дорогу артиллерийский снаряд. Это могло означать что угодно: или рассыпавшийся из-за осыпи подготовленный фугас, призванный уничтожить колонну, или снаряд, оставшийся после боевых действий, который просто не разорвался. И бомбы иногда не взрываются, и минометные мины.

Выйдя из машины, капитан подозвал к себе трех солдат из числа сидевших в кузове и послал их предупредить об опасном сюрпризе. «Сарбос» пробежал дальше по колонне, требуя заглушить двигатели машин. Другие «сарбосы» медленно и осторожно спустились из кузова на дорогу, отошли за третью машину в колонне и залегли, изготовившись к обороне. Туда же капитан отправил и водителя головной машины. Сам он присел у переднего колеса грузовика и стал ждать.

Наконец к нему подошли два сержанта и немолодой лейтенант с густыми черными усами, в которых пробивалась седина.

– Он? – спросил лейтенант, кивнув на виднеющийся впереди снаряд.

– Да! Скатился прямо на моих глазах. Не знаю, почему он не взорвался. Повезло! По виду – от гаубицы большого калибра.

– Это снаряд шурави, – сказал лейтенант. – Видел я такие – от 152-миллиметровой гаубицы. Надо бы машину отогнать

назад, да опасаясь даже заводить. Сейчас любая встряска опасна...

– Что делать будем? Вызывать саперов? Советских?

– Они доберутся сюда только завтра, а у нас в гарнизоне продовольствие на исходе и дизельное топливо для генераторов. Да и опасно! Душманы ночью нас могут зажать с двух сторон и перебить с гор! У меня есть иное предложение.

– Какое? – оживился капитан.

– Сниму куртку, а вы мои руки свяжете ремнями через шею и положите на ремни свернутую куртку, чтобы мягче было. Сержанты – опытные бойцы, они осторожно, без рывков поднимут снаряд и положат мне на руки. Если руки и устанут, то я все равно снаряд не выроню, ремни не дадут. Донесу его до склона и сброшу в обрыв.

– Снаряд весит больше сорока килограммов! Сумеешь ли? Неужели сумеешь до отвесного участка дотащить? – покачал головой капитан. – Только там можно бросать снаряд вниз, чтобы он не коснулся склона, пока ты не отбежишь от обрыва подальше.

– Я мужчина крепкий, в молодости работал кузнецом и занимаюсь борьбой! Донесу! – уверенно заявил лейтенант. – Иначе колонна не пройдет.

– Я пойду с вами, – предложил один из сержантов. – Вы устанете и не сможете бросить снаряд с обрыва. Это сделаю я.

– А я осмотрю склон, – сказал второй сержант, потрогав

шрам на щеке. – Я почти год работал с саперами, смогу увидеть признаки минирования. Колонна не должна пострадать, и ехать в обход ущелья нельзя. Мы возем продукты.

Капитан посмотрел на сержантов, на немолодого лейтенанта. Этот лейтенант был из местного гарнизона, не из столицы. Черт, может, они тут все такие отчаянные? Чертовски опасно! Но он отвечает за прохождение колонны. Стиснув кулак, капитан долго разглядывал дорогу, камни и одинокий снаряд. Наконец принял решение. Передав приказ занять круговую оборону, он отошел и лег с автоматом вместе с солдатами у третьей машины. Оттуда были хорошо видны приготовления лейтенанта. Потом он вместе с сержантами поднялся в полный рост, и они пошли к снаряду, переговариваясь о чем-то, постояли немного, а потом сержанты стали поднимать снаряд, причем с такой осторожностью, с какой не берут на руки даже больного ребенка, и положили его в руки лейтенанта. Ремни на шее напряглись, и лейтенант медленно пошел вперед. Высокий худощавый сержант шел рядом, протянув руки в готовности подхватить офицера, если он оступится или начнет ронять свою страшную ношу. Второй сержант со шрамом на щеке вытащил армейский нож и стал обходить склон, поднимаясь все выше и выше. Он приседал, что-то трогал ножом, поднимался и медленно шел дальше.

Капитан лежал в пыли и щурился от солнца. Один раз ему показалось, что со склона впереди что-то блеснуло. Снай-

пера бинокль или просто зрение подводит от такого яркого солнца? Блики больше не появлялись, сколько офицер ни тер глаза. Он старался не выпускать из поля зрения ни сержанта на склоне, ни лейтенанта с его ношей. Время шло, солнце припекало спины, но никто на дороге не шевелился. Все было очень похоже на засаду, но странно, что до сих пор никто не начал стрелять по колонне.

Наконец лейтенант остановился у обрыва с краю дороги. Капитан поднес к глазам бинокль, но солнце слепило, и он убрал его, продолжая смотреть, просто прикрыв глаза ладонью, как козырьком. Сержант осторожно взял из рук лейтенанта снаряд, шагнул к краю и бросил его с натугой вниз. Тут же оба отскочили от обрыва и упали на дорогу, закрыв головы руками. Напряжение всех солдат в колонне чувствовалось почти физически. Но взрыва так и не произошло. Стягивая ремни, лейтенант шел назад, еле волоча ноги. Капитан вскочил на ноги и поспешил навстречу храброму офицеру.

– Как вы себя чувствуете?

– Все хорошо, – вытирая локтем с лица пот, ответил лейтенант. – Ноги только не держат. Я бы посоветовал вам послать опытных солдат с моим сержантом. Ариф скажет, что и как проверять. Надо пройти по склону до самого обрыва. Тут могут быть еще снаряды или мины. Видимо, когда-то выход из ущелья обстреливался из орудий. Видно, что в прошлом году засыпали воронки.

– Да, мы проверим, – кивнул капитан. – Вам помочь?

– Не надо. Я посижу немного у ручья. – Лейтенант показал в сторону противоположного склона, где между большими валунами пробивалась серебристая струйка родника. Затем хлопнул по плечу сержанта: – Ашрафи, помоги Арифу. Там могут быть еще снаряды.

Сержант отдал честь и поспешил к колонне. Капитан тоже направился к машинам. Он несколько раз оглянулся и посмотрел, как лейтенант перешел дорогу, перелез через несколько больших обломков скальной породы и, усевшись у ручья, стал смачивать платок и прикладывать его под курткой к груди, ко лбу и затылку. Да, немолод он, подумал капитан, и все в лейтенантах. Наверное, поздно пришел на службу или недавно произвели в офицеры из сержантов. Однако видно, что человек он опытный, давно в армии.

Вдруг раздался какой-то шорох, скатился камешек под ноги, но лейтенант не обернулся, продолжая прикладывать мокрую ткань к груди.

– Ну, и зачем вам понадобился этот спектакль, майор? – спросил он, не поворачивая головы.

– Вы не поняли, Мансур? – ответил ему голос за спиной. – Во-первых, нам надо было срочно поговорить с вами. Другой возможности у меня нет. Вы безвылазно в гарнизоне, а передавать через связного устно или запиской мне кажется опасным. И с этим караваном вы все время на людях. А кое-кого начали в вашей части подозревать. Там уже работают несколько офицеров из ХАДа, и о вашей контрразведке я

очень высокого мнения. Там дураков нет.

– А если бы он взорвался? – недовольно ответил лейтенант.

– Ну, зачем вы так, Мансур? Мы же все-таки не пальцем деланы и думаем головой! Все заранее подготовлено – взрыватель не рабочий. И потом, вам же нужно подтверждение преданности, личной храбрости. С такими подвигами вас точно подозревать не будут. Теперь о вас легенды будут ходить по гарнизонам правительственной армии. Может, награду получите.

– Вы знаете, майор, что мне не нужны награды от существующего режима. И если честно, то вы нам больше мешаете, чем помогаете.

– Вас не должны подозревать в связи с Ахмад Шахом. В гарнизоне не так много надежных людей. А Ахмад Шах ждет сообщения с датой начала мятежа. Это самый крупный гарнизон возле перевала. Его нужно уничтожить. Вы подготовьте мятеж внутри, вам помогут ударом снаружи.

– Если бы я мог, я бы своими руками перерезал бы всех, – зло проговорил лейтенант.

– Успеете еще, – тихо рассмеялся пакистанский разведчик. – Главное, чтобы все знали, что гарнизон разгромил Ахмад Шах.

– Зачем вам это? Какая разница?

– Потом узнаете. Главное сейчас – подготовить мятеж.

Глава 3

После инструктажа Рахманкулов подал команду «разойтись» и оставил вновь прибывших знакомиться с другими солдатами. С ним ушли и трое увольняющихся в запас. Сегодня они с колонной должны убыть в Баграм. Сержант Савфат Бурхонов подошел к новичкам и протянул руку:

– Ну, с прибытием. Рустам правильно сказал. Одни мы тут: нас шестеро, прапор наш и подполковник Кравченко. И то, что это гарнизон афганской правительственной армии, не должно вас расслаблять. Никому тут верить нельзя, только своим.

– Они же союзники, – удивился Таджибеев, бросая свой вещмешок на кровать. – Мы же им помогаем, за них воюем. Как же так?

– А так! Жить хочешь – не верь! – Сержант подошел к кровати, взглянул на вещмешок и продолжил: – Рахманкулов – командир строгий, но справедливый. За недисциплинированность может наказать, а может вообще заменить, и попадешь в обычную часть, с обычной казарменной жизнью. Так что барахло с кровати убери и заправь ее как следует.

– А почему ты сказал, что афганцам верить нельзя? – спросил Азизов.

– Кто-то не хочет воевать вообще, кто-то не хочет воевать на этой стороне. И за деньги все продают и часто предают!

В основном в армию набирают облавами, насильно, тех, кто подходит по виду и призывному возрасту. А сколько случаев предательств и дезертирства! Собирают полк, вооружают, одевают, обувают, а перед самым выходом для выполнения боевой задачи – хлоп, и половины полка нет. Кто-то дезертировал, кто-то на другую сторону перебежал...

Саид в непривычной для себя афганской форме вышел из домика, построенного из хвороста и жердей, а потом обмазанного глиной. Строение не ахти какое красивое, но вполне крепкое и летом сохраняет внутри относительную прохладу. Такой же глинобитный домик был и у подполковника Кравченко, только чуть меньше. В «казарме», в задней части дома располагались склады продуктов питания и патронов. Солдаты готовили для себя сами. Советник чаще всего питался у афганцев в их столовой, потому что целыми днями пропадал на территории афганского гарнизона, выполняя свою работу военного советника.

Прапорщик Рахманкулов тоже почти все время отсутствовал, слоняясь среди афганцев, но успевал следить за порядком и дисциплиной в своем маленьком подразделении. Саид и его сослуживцы несли службу по охране этого маленького кусочка своей родины, а по правилам место, где проживали военные советники, как и палуба советского корабля в чужих водах, считалось территорией другого государства. Днем два поста располагались внизу у ворот и у жилых до-

миков. Каждый пост – это небольшой полукруг из мешков с песком и пулемет, направленный на ворота. Ночью службу несли на двух вышках, которые чуть поднимались над 4-метровыми дувалами – стенами, сложенными из камня и глины.

Выходить за пределы ограждения миссии советника на территорию гарнизона разрешалось, но только с разрешения прапорщика Рахманкулова или самого Кравченко. Но разрешения эти касались конкретных заданий, которые они давали своим солдатам. Чаще всего кому-то из маленького подразделения приходилось сопровождать командира. Два раза Азизов выступал в качестве переводчика, когда Рахманкулова не было в расположении.

Прошла неделя, потом вторая. И за все это время Саид ни разу не заговорил с Рахимовым о доме, о «гражданке». Тяжело было думать о том, что Лайло ждет своего жениха и совсем не вспоминает о Саиде, что после службы Рахимов вернется в свой кишлак и женится на девушке. Но все же разговора не удалось избежать. Как-то вечером Рахимов сам подсел вечером к Азизову на лавку возле входа в «казарму» и задумчиво проговорил:

– А ведь мы с тобой почти земляки, Саид.

– Да, – кивнул Азизов. И добавил, словно в отместку за украденную у него мечту: – Я даже бывал в вашем ауле. Два лета подряд нас присылали из техникума на сельскохозяйственные работы помогать вам.

– Я не знал! – засмеялся Рахимов. – Мы, наверное, и ви-

делись с тобой тогда, только не запомнили друг друга в лицо.

– Может быть, – стиснув зубы от нахлынувшей горечи, ответил Саид.

– Слушай, давай с тобой будем друзьями? – предложил парень. – Каждому из нас в армии трудно, а ты... мы с тобой, как напоминание друг другу о доме. У тебя есть девушка, тебя ждет кто-то там, в Душанбе?

– Только родители, – мотнул головой Саид и опустил голову.

– А у меня есть. – Рахимов мечтательно посмотрел в темнеющее небо. – Она такая красивая. Знаешь, у нас в кишлаке не так, как в столице, у нас очень много старинных обычаев, которые все еще соблюдают и очень строго. Наши отцы дружили, а когда отец Лайло погиб, то мой стал по мере сил заботиться и о семье друга. И наши семьи договорились, что мы с Лайло поженимся, когда я отслужу в армии.

Саид дернулся, как от удара, услышав из уст Рахимова это имя. Ему показалось кощунственным, что имя любимой девушки произнес человек, который пусть и невольно, но украл у Саида счастье. «Он же не виноват, – не слушая болтовню земляка, думал Азизов. – Он просто не знал обо мне. Там никто обо мне не знал, да и я никаких знаков внимания Лайло не оказывал. Кто там вообще мог знать, что я хочу жениться на ней? Никто. Такова жизнь, наверное. Не все в ней сбывается, чего хочется».

– Да, давай будем друзьями, – уныло пробормотал он, гля-

дя на носки своих солдатских ботинок.

Сержант Ариф, потирая шрам на щеке, внимательно вглядывался в лица молодых солдат. Шестеро молодых людей сидели возле разобранной машины и мыли испачканные в смазке руки бензином в старом ржавом корыте.

– Продуктов в гарнизоне осталось на два дня, – тихо произнес он. – Вы уже сами поняли, что суточную норму вам уменьшают. Уменьшат и завтра, и еще через два дня. А потом?

– А почему не везут продукты, дизельное топливо для генераторов? – спросил один из солдат, с опаской оглянувшись по сторонам.

– Говорят, у правительства совсем нет денег, – буркнул второй солдат. – Я слышал, что они скоро все сбегут за границу. Вывезут награбленное золото в Москву! А нас будут резать боевики из оппозиции.

– Тише вы! – шикнул на них солдат постарше. – Видели, утром снова приехали офицеры из контрразведки. Их тут много...

– Да, – подтвердил сержант. – Только вы еще не знаете, что завтра утром расстреляют шестерых солдат, которых ХАД подозревает в подготовке мятежа.

Солдаты переглянулись и замолчали. Двое попятились назад, переглядываясь. Сержант, схватив одного из них за рукав, дернул парня вниз, снова заставив присесть на корточ-

ки, и зло прошептал:

– Куда вы? Начнете оглядываться по сторонам и бегать, сразу попадете под подозрение. Я не слепой, вижу, что каждый хочет удрать отсюда! Только вида не показывайте. Вы, главное, за оружие не хватайтесь, если начнется мятеж или если кто-то нападет на гарнизон.

– А он начнется? – почти не удивились солдаты. – Да, в гарнизоне все больше недовольных. Но поднимать мятеж они вряд ли готовы.

– Я вас предупредил, – кивнул сержант. – Подумайте прежде всего о ваших семьях, о ваших родителях, которым ваша смерть не нужна. Она вообще никому не нужна. Помните об этом.

Все разошлись в угрюмом молчании. Атмосфера угрюмого молчания присутствовала всюду. Рацион питания уменьшили. Почти не заводили генераторы, а еду стали готовить на старых армейских кухнях. За дровами для них посылали четыре группы солдат. Три из них не вернулись. Офицеры из контрразведки говорили, что их якобы убили боевики Ахмад Шаха, но почти все знали, что солдаты просто дезертировали. Маленький гарнизон советского военного советника тоже чувствовал напряженную ситуацию. Кравченко не особенно даже пришлось рассказывать своим ребятам о происходящем. Знакомые «сарбосы», как они называли афганских солдат, рассказывали о настроении в гарнизоне, о проблемах, которые становились все только серьезнее.

А утром расстреляли четырех человек, которых офицеры ХАДа обвинили в подготовке мятежа. Саид с Рахимовым выглядывали через стену, глядя сверху через головы бойцов в задних рядах, ничем не выделяясь среди солдат гарнизона. Сначала говорил командир гарнизона, невысокий черноволосый полковник, которого солдаты за глаза звали «могильник». Имелся в виду орел-могильник. Саид видел эту птицу, взгляд у полковника был точно таким же, как у этого хищника. Полковник долго, пространно и очень эмоционально говорил о заговорах, о мятежах и светлом будущем страны. Создавалось впечатление, что главной целью его речи было запугать подчиненных.

Приговоренных еще не привели, и только длинные утренние тени от низко стоящего над горизонтом солнца создавали зловещую атмосферу возле высокого дувала, где была оборудована трибуна для выступлений. После полковника на трибуну поднялся один из офицеров ХАДа. Контрразведчик не говорил так много, как командир гарнизона, но его взгляд сверлил присутствующих так, будто каждый второй был мятежником. Офицер бросил всего несколько фраз. Он сказал, что враг выявлен, вина его доказана и кара будет суровой. И она обязательно настигнет тех, кто прячется за спинами честных патриотов. Саид физически ощутил, что многим захотелось обернуться и посмотреть, кто стоит за их спинами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.